

DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.016

О ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСАХ ОСЕТИН В КОЛЛЕКЦИИ Б. А. КУФТИНА

А. В. Газданова

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07003

В данной статье речь идет о коллекции Бориса Алексеевича Куфтина, в настоящее время хранящейся в собрании Российского этнографического музея. Основной задачей исследования стало выяснение обстоятельств сбора одежды из захоронений в связи с неверными интерпретациями ее состава в историографии. Для этого впервые была реконструирована история североосетинской экспедиции под руководством Б. А. Куфтина 1926 г. В ходе исследования удалось найти документы, относящиеся к ней в архивах РЭМ и МАЭ РАН (Кунсткамера), и по ним восстановить непростую историю изначально огромной коллекции, включающей в себя, помимо вещей, фотоколлекцию, антропологические материалы и полевые записи, которые оказались рассредоточенными в разных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга и Владикавказа. На заключительной стадии исследования, путем сопоставления полевых материалов ученого с сохранившимися вещами из захоронений, удалось идентифицировать два костюмных комплекса из Даргавса и Даллагкау, а также отдельные предметы женских костюмов из Нижней Кобани. Таким образом, были восстановлены не только места сборов отдельных экспонатов коллекции, но и показано, что, вопреки устоявшемуся мнению, коллекция Б. А. Куфтина дает представление об осетинских позднесредневековых костюмах.

Ключевые слова: Б. А. Куфтин, позднесредневековый осетинский костюм, осетинские коллекции РЭМ.

Для цитирования: Газданова А. В. О позднесредневековых костюмных комплексах осетин в коллекции Б. А. Куфтина // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 48 (87). С. 42-51. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.016

В связи с подготовкой выставки «Сокровища Аланского царства. К 1100-летию крещения Алании»¹ в рамках ее концепции вновь возникла необходимость рассмотрения предметов одежды из коллекции Бориса Алексеевича Куфтина из собрания Российского этнографического музея. Среди них – уникальные кафтаны из шелковых восточных тканей конца XVI – первой половины XVII вв.

Одежда из коллекции Б. А. Куфтина – уникальный источник для изучения позднесредневекового костюма осетин. По этой причине к предметам этой коллекции, в настоящее время хранящейся в кавказском фонде Российского этнографического музея (РЭМ), с 1979 г. уже неоднократно обращались археологи и историки кавказского костюма с целью изучения эволюции одежды наро-

дов Северного Кавказа (с периода позднего средневековья до первой половины XX в.) [1; 2; 3; 4]. Самостоятельным направлением исследований стала атрибуция тканей, из которых пошиты отдельные предметы этой коллекции [5].

Однако в указанных работах предметы рассматривались вне связи с обстоятельствами сбора самой коллекции. Авторы, ввиду отсутствия точных сведений о месте сбора предметов одежды из захоронений, вслед за сотрудником музея, специалистом по одежде народов Северного Кавказа Е. Н. Студенечкой, указывали его обобщенно – Даргавс и Куртатинское ущелье. Также рассмотрение вещей без контекста их сбора привело к ошибочным выводам о составе этой коллекции – сложилось представление, что в нее входит только

женская одежда и что в ней нет костюмных комплексов.

К истории формирования самой коллекции, а также истории экспедиции обратились совсем недавно. В 2021 г. был опубликован конспект полевого дневника А. М. Россовой – участницы экспедиции Б. А. Куфтина 1926 г. [6]. Самим же Куфтиным результаты североосетинской экспедиции 1926 г. опубликованы не были. Следовательно, поэтому науке ничего не было известно о проделанной им работе и собранных материалах. Объясняется это тем, что судьба исследователя в тот период складывалась трагически. В 1930-м году вместе с некоторыми другими сотрудниками московского Центрального музея народоведения (ЦМН) он был арестован «по обвинению в контрреволюционной деятельности и выслан на Север сроком на три года, которые отбывал в Вологде» [7, 258]. После отбывания наказания, с 1933 г., Куфтин к этнографическому изучению Северной Осетии и в целом к занятиям этнографией больше не возвращался, а сосредоточился на археологии Грузии [7, 259].

Учитывая вышесказанное, целью данного исследования стало уточнение мест сбора конкретных экспонатов из коллекции Б. А. Куфтина. Для этого потребовалась частичная реконструкция хода экспедиции 1926 г., в особенности тех ее аспектов, которые касались формирования вещевой коллекции. Исследование проходило в три этапа. На первом этапе был осуществлен поиск всех имеющихся документов, относящихся к этой экспедиции. На втором, с помощью найденных документов, была реконструирована уже музейная история рассматриваемой коллекции с 1926 по 1948 г., когда большая ее часть была передана на постоянное хранение в Государственный музей этнографии народов СССР (в настоящее время – Российский этнографический музей). Наконец, на заключительной стадии было

проведено сопоставление интересующих нас предметов одежды из этой коллекции с полевыми записями Куфтина.

К настоящему времени помимо упомянутого конспекта полевого дневника А. М. Россовой обнаружен ряд документов, связанных с североосетинской экспедицией 1926 г. В архиве РЭМ, в деле «Об археологических коллекциях, поступивших в собрание Музея народов СССР с 1926 по 1930-е гг.» хранятся листы со списками предметов: предположительно, это полевая опись находок (или ее копия) [8]. В архиве МАЭ РАН (Кунсткамера) находится полевая тетрадь [9] и тематические карточки, сделанные Куфтиным [10]. О музейной истории вещевой коллекции сохранилась информация в архиве РЭМ в упомянутом деле «Об археологических коллекциях...» [8] и в деле «Книга реставрации экспонатов и протоколы 1924 г.» [11].

Итак, для начала кратко коснемся истории самой экспедиции. Затем охарактеризуем ее результаты. Далее реконструируем ее музейную историю и перейдем к уточнению нескольких важных деталей относительно позднесредневековых костюмов.

Из биографических статей известно, что с 1924 по 1930 гг. Б. А. Куфтин работал в Центральном музее народоведения в Москве (с 1931 г. – Музей народов СССР) заведующим отдела Сибири [7, 245]. Поскольку сам Борис Алексеевич был одним из активных организаторов и участников экспедиционной деятельности музея, география его исследований была широка и включала в себя европейскую часть России, Сибирь, Дальний Восток и Кавказ, в частности Северную Осетию [7, 246].

Поскольку целью экспедиции 1926 г., как сообщает сам Куфтин в своей автобиографии, было «палеоэтнографическое, этнографическое и антропологическое исследование Северной Осетии» [12,

2], становится понятным, почему для обследования были выбраны именно эти два ущелья – Даргавское и Куртатинское. Именно здесь находятся всемирно известные и интересные в первую очередь для археологов памятники – Кобан, Даргавский некрополь, Дзывгис. Я. Б. Березин, изучавший дневник А. М. Россовой, предположил, что выбор именно этих ущелий объясняется тем, что, во-первых, экспедиция испытывала большой недостаток финансовых средств, во-вторых, не имела заранее составленного плана работ, а потому были выбраны эти густонаселенные ущелья, находящиеся в относительной близости от Владикавказа [6, 89].

Кратко опишем ход работ по конспекту Я. Б. Березина. Экспедиционный маршрут начался 27 сентября с селения Кобань, где участники экспедиции пробыли три дня. Далее поехали в Даргавс, где в основном велись работы на могильнике. Там же было осмотрено святилище, расположенное высоко над селением. Далее посетили несколько селений, находящихся в этом ущелье – Какадур, Ламардон, Джимару, осмотрели заброшенные дома, вскрыли некоторые погребения. Куфтин самостоятельно осмотрел еще несколько святилищ. Пробыв в Даргавском ущелье 17 дней, участники экспедиции выехали в Куртатинское ущелье. Там был продолжен сбор или, как пишет Россова, «скупка» этнографических предметов. Работа в погребальных сооружениях этого ущелья шла сложнее, во-первых, потому, что многие из них были замурованы, во-вторых – работу осложняло нескрываемое недовольство местных жителей. На девятый день пребывания экспедиции в Куртатинском ущелье от населения в местные органы власти стали поступать жалобы по поводу «посещения ими дзуаров и изъятия из них предметов» [6, 93]. В предпоследний день экспедиции пришло распоряжение из Владикавказа, согласно которому Б. А. Куфтина и А. М. Россову следовало

задержать, а все предметы, находящиеся у них, арестовать. Однако Россова разрешила проблему, продемонстрировав московские документы. 29 октября члены экспедиции вернулись во Владикавказ [6, 90-94].

В результате в ходе экспедиции была собрана вещевая и антропологическая (в большей степени краниологическая) ² коллекции, проведена фотосъемка, а также зафиксирована информация в полевых дневниках. Все это по завершении экспедиции в октябре 1926 г. было привезено в Москву.

Вещевая коллекция, судя по сохранившимся документам, была сдана в Центральный музей народоведения. Она насчитывала «454 инвентарных номера и 5 комплектов одежды (из 32-х предметов), которые составляли коллекции 45 и 45а» [8]. В ходе исследования установлено, что в коллекцию №45 входили этнографические предметы – орудия труда, утварь, одежда, а также предметы, связанные с религиозными представлениями. Вероятно, в их число входила и основная масса предметов, извлеченных из захоронений, т. к. в предполагаемой полевой описи упоминаются украшения, бусы, ножи, пояса и их части, глиняные кувшины, деревянная утварь и др. [8]. Коллекцию №45а составляла только одежда из захоронений.

Из документов следует, что предметы одежды из захоронений были в реставрации с 28 декабря 1927 г. по 30 января 1931 г. [11]. Отметим, что в «Протоколах реставрации» эти вещи фигурируют без номеров, т. е. они были не зарегистрированы. Почему так получилось – их отнесли к непрофильным или сотрудники не успевали регистрировать новые поступления – вопрос остается открытым.

Кроме того, архивные материалы РЭМ указывают на то, что предполагалась передача этих предметов в другие музеи. Так, в деле «Об археологических коллекциях, поступивших в собрание

Музея народов СССР с 1926 по 1930-е гг.» сохранились листы с записями следующего содержания: «Надо передать ГИМу» [8]; «Список одежды осетинского могильника колл. Куфтина. Колл. не записана в КП музея и на учете хранилища не состоит» [8]. Далее идет перечень из 28 пунктов, без описания. Почти все в перечне – предметы одежды, а кроме того: вышивка, перчатка с железной сеткой, ладанка. Ниже приписаны еще две кобуры с инвентарными номерами. И подпись неизвестного лица с пометой: «выдали 29 июля 33 г.».

Там же хранится лист от 25 апреля 1933 г. [8], согласно которому осетинскому Областному музею было передано или готовилось к передаче, по нашим подсчетам, около 70 предметов. Среди них: серьги и их фрагменты, бусы, ножи, пояса и их части, пуговицы, кисеты, металлические нагрудные застёжки, перстни, женская обувь, глиняные кувшины, деревянная утварь, а также нашивка с серебром, фрагмент шелковой материи, шелковый халат и матерчатые шаровары в полоску. Все они происходят из Даргавса за исключением последних четырех, происхождение которых не установлено. Из перечня видно, что все предметы – археологического происхождения.

Незадолго до закрытия ЦМН вся североосетинская коллекция Куфтина хранилась в его лаборатории. В документах она была названа «Коллекцией Б. А. Куфтина из раскопок осетинских могильников. Материалы: одежда, украшения [орудия? – неразб.], керамика, деревянная посуда» [8], к которой причислили не только предметы из склепов, но и этнографические. Ниже указан населенный пункт и количество предметов, собранных там:

«1) Даргавс – 203 инв. номеров. – 10 склепов, кам. ящиков.

2) Далагкау – 45 инв. – 2 склепа. + 32 Дзуар.

3) Цмити – 11 инв. – 1 склеп.

4) Цагат Ламардон – 6 инв. Погреб. башня.

5) Какадур – 110 инв. Комплексов выделить не удалось, погреб. склепы, кам. ящ.

6) Лац – 2 инв. номера – Погребальный склеп.

7) Кобань Верхняя – 25. Кам. ящик.

8) Хинцаг Дзуар – 20 инв. Дзуар» [8].

После закрытия музея в 1948 г. большая часть его коллекций и документов была передана в Государственный музей этнографии народов СССР, остальные разошлись по другим учреждениям. В архиве сохранились охранные ключи, из текста которых известно, что осетинская коллекция Б. А. Куфтина в Ленинград была привезена в пяти ящиках, в которых находилось 256 предметов, с припиской: вещи требуют дезинфекции и чистки [8].

Судя по количеству вещей коллекции, можно предположить, что какие-то межмузейные передачи все же состоялись. Какие – вопрос остается открытым. Пока удалось установить, что в РЭМе хранится большая часть вещевой коллекции Куфтина и ее этнографическая часть осталась относительно целостной.

Однако в РЭМе, как уже было сказано, хранятся не все материалы экспедиции 1926 г. Как известно из статьи Я. Б. Березина, антропологическая часть этой коллекции была передана на кафедре антропологии Московского государственного университета и в настоящее время хранится в Музее антропологии МГУ [6, 90], а коллекция сделанных во время экспедиции фотографий – в фототеке МАЭ. Помимо нее, в архиве МАЭ с 1958 г. хранится часть архива Куфтина, переданная из московского отделения Института этнографии – это упомянутая черновая полевая тетрадь и тематические карточки, составленные ученым на бланках учетных документов ЦМН.

В тетради содержатся краткие заметки, сделанные в ходе наблюдений, а также записанные со слов старожилов сведения о хозяйстве, орудиях труда, занятиях, одежде, праздниках. По всей вероятности, это информация служила опорой при создании подробных описаний этнографических предметов, которые попутно собирались. Отдельное место занимают рисунки и схемы по некоторым из перечисленных тем, в особенности усадьбы и жилого пространства. Все это снабжено терминами на осетинском языке. Упомянутые карточки имеют то же содержание, что и записи в тетради, но структурированы тематически, и на них указаны даты и населенные пункты. Вероятно, они были составлены позже, уже по возвращении из экспедиции.

Немалое место во всех этих записях занимают рисунки, перечни обнаруженных предметов, а также фрагментарные сведения, записанные от старожилов, о времени строительства склепов и других погребений, с которыми столкнулся в своей работе Куфтин. Возможно, действительно, вслед за Березиным [6, 90] «палеоэтнографическое изучение» Куфтина нельзя назвать полноценными археологическими раскопками, однако стоит заметить, что ученый все же фиксировал населенный пункт, зарисовывал внешний вид сооружений – склепов (он их называл погребальными башнями), схематически обозначал положение покойного и описывал содержимое захоронения.

Самым ценным для нашего исследования стали его записи, касающиеся содержимого захоронений, в особенности описания одежды, надетой на покойников. Куфтин не только перечислил составляющие части костюма, но и сделал на некоторых карточках пометы карандашом – номера тех вещей, которые, как он сам сообщает, взял для собрания ЦМН.

Благодаря этим записям стало возможным сопоставление экспонатов из со-

хранившейся вещевой коллекции РЭМ с записями на тематических карточках. В ходе исследования на предметах одежды была обнаружена маркировка четырех видов. Первый – номер, присвоенный уже после передачи коллекции в 1948 г. в РЭМ, а потому не имеющий отношения к теме. Другой – номер, по которому вещи значились в ЦМН: «Б. К. 26 г. Ос. п. 45/472» (рис. 1). Пока поиски более подробной информации по этой маркировке ничего не дали.

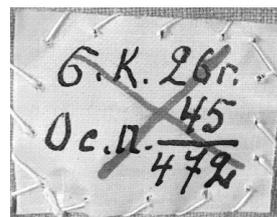

Рис. 1. Так выглядел инвентарный номер на предметах из коллекции Б. А. Куфтина во время хранения в ЦМН (до 1948 г.)

А вот два оставшихся – интересны. Одни номера сделаны синими чернилами, другие – вышиты нитками красного цвета. Номера обеих маркировок между собой не совпадают и расположены на вещах хаотично – и на лицевой стороне, и на изнаночной.

Кем сделаны чернильные маркировки (рис. 2), выполнены ли одним человеком или разными – пока неизвестно. Они не совпадают ни с предполагаемой полевой описью, ни с номерами протоколов реставрации. Но можно попытаться установить время их появления. Дело в том, что на двух штанах и двух шапочках метки сделаны на тканевых вставках, которыми реставраторы конца 1920-х – начала 1930-х гг. восполняли сквозные утраты. Это значит, что маркировки были сделаны после 1931 г., возможно, во время подготовки вещей для передачи в другой музей.

Последний вид маркировки – вышивка красными нитками (рис. 3). Также неизвестно кем и когда она была сделана. Но именно она совпала с номерами

предметов одежды в перечнях некоторых захоронений, которые Куфтин взял для ЦМН. К сожалению, она сохранилась не на всех вещах. Вероятно, на некоторых из них она была утрачена во время первой реставрации конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Рис. 2. Пример маркировки, сделанной синими чернилами

Рис. 3. Пример маркировки, вышитой красными нитками

Путем сопоставления вышитых номеров на вещах и номеров в карточках Б. А. Куфтина удалось идентифицировать два костюма.

Первый костюм:

«4 окт. 1926 г. Северная Осетия. Даргавс.

Могильная башня с пирамидальным сводом.

Погребения без гробов в полном беспорядке. С одного погребения взята для ЦМН вся одежда:

1). меховая шуба, обшитая узорным шелком

2). холстяной халат [№ 17 – надписано карандашом сверху]

3). халат [№ 10 – надписано карандашом сверху] полосатый полушелковый зеленый с розовым

4). коротко рукавный халат из туркестанского шелка иранского в основе [№ 15 – надписано карандашом сверху]

5, 6) две рубахи

7, 8) двое штанов [№ 14 – надписано карандашом сверху]

и 9). ноговицы (взята одна)» [10, 5].

Несмотря на то, что номер шубы в карточке Куфтина не указан, все же удалось установить предмет. Из всех предметов коллекции только на одном «кафтани» по краям полочек в нескольких местах сохранились кусочки задушенной кожи, а по всему периметру вещи остались обрывки ниток красного цвета. Этот предмет так же атрибутирует и З. В. Доде [4, 888]. Более того, в актах реставрации ЦМН сказано: «Верх шубы парчовый из могильника (экспедиция Б. А. Куфтина на Кавказ). Ткань сильно истлела, частями отсутствуют. Подкладка шубы, бараний мех совершенно истлевший снят по указанию Б. А. Куфтина. Верх шубы дублирован бумажной тканью темно-желтого цвета <...>» [11]

Таким образом, из данного костюма в настоящее время в собрании РЭМ хранится пять предметов – шуба, три халата и штаны. Поскольку номера двух рубах не указаны, по имеющимся источникам их невозможно идентифицировать.

Второй костюм:

«24 окт. 1926 г. Северная Осетия. Даргавс.

Погребение 2-ое в большой погребальной башне.

Второе погребение в большом двухкамерном дзаппадзе [Цаликовых?] на этаже [второй? лежит?] на столе. Погребение в [неразб.] положении головой на север.

Одет в высокие сапоги, двое штанов грубые [№ 24 – надписано карандашом

сверху] и тонкие шелковые [№ 32 – надписано карандашом сверху], две рубахи (бумажная с красными тесьмами [№ 30 – надписано карандашом сверху] и шелковая [№ 18 – надписано карандашом сверху], стеганный халат и халат из [одноцветной?] желтый шелковой камзол [№ 31 – надписано карандашом сверху]. Весь костюм взят для ЦМН.

Шапочка, крытая красным сукном с [плоской?] кистью [№ 204 – подписано карандашом внизу]» [10, 30].

Из этого костюма в настоящее время в собрании РЭМ хранится четыре предмета – штаны, две рубахи и кафтан. Упомянутых штанов из грубой ткани и шапочки в сохранившейся части коллекции нет. Поскольку номер стеганого халата не указан, по имеющимся источникам его невозможно идентифицировать.

Помимо этих костюмов удалось идентифицировать еще три предмета женского костюма из Нижней Кобани:

«29 сент. 1926 г. Северная Осетия. Кобань нижняя.

Могильные башни дзаппадзы

Одна из наиболее хорошо сохранившихся башен в Кобанском некрополе находится почти на самом краю увала и видна [неразб.] с дороги, ведущей снизу в с. Кобань.

Обе камеры с [входа?] наполнены мумифицированными покойниками в одеждах, лежащих без гробов в сильном беспорядке. Погребения по-видимому судя по костюму исключительно женские. На ногах шальвары иногда верхние и нижние; сверху рубаха и несколько халатов-камзолов друг на друге. На голове одного погребения был замечен шелковый кисейный платок. <...>

На одном погребении было одето 4 халатообразных бешметов (из которых один был на бараньем меху), [отделанных?] редким хлопчатобумажным (из Ср. Азии [маты?]) [переплетением?].

Для музея был взят мною красный камзол [№ 6 – надписано карандашом

сверху] и нижние шальвары [№ 5 – надписано карандашом сверху] с одного погребения (верхние шальвары были из грубой хлопчатобумажной ткани) и шелковые полосатые шальвары [№ 7 – надписано карандашом сверху] с другого погребения» [10, 6-6об.].

К сожалению, не на все сохранившиеся вещи из коллекции есть записи на карточках Куфтина. Так, информации о самых загадочных предметах – бирюзовом кафтане и так называемой «куртке» – там нет.

Что касается датировок, Куфтин был очень осторожен: вероятностную датировку он ставил только если в погребении вместе с вещами имелись предметы с конкретными датами (часто – стеклянные бутылки с клеймами). Из всех предметов одежды только один кафтан – упомянутый бирюзовый из иранской лицевой ткани – датирован XVI в., что указано в протоколе реставрации [11].

Об этнической принадлежности погребенных Куфтин не сообщает ничего, не называя их ни осетинскими, ни аланскими.

Таким образом, в архивах РЭМ и МАЭ РАН (Кунсткамера) нам удалось найти документы, относящиеся к североосетинской экспедиции Б. А. Куфтина 1926 г. и реконструировать непростую музейную историю вещевой коллекции, установив не только места сбора некоторых экспонатов, но и идентифицировав два костюмных комплекса. Благодаря реконструкции истории осетинской коллекции с 1926 по 1948 гг. стало понятно, почему исходные данные о местах сбора вещей отсутствовали в современной музейной документации. Однако они никогда не были утраченными. Более того, обнаруженные полевые записи самого Куфтина опровергают мнение З. В. Доде относительно того, что «коллекция не представляет комплексов» и о том, что все сохранившиеся 26 предметов одежды – элементы женского костюма [4,

479]. Успешная идентификация двух костюмных комплексов из Даргавса и Даллагкау показала, что коллекция Куфтина, вопреки устоявшемуся мнению, все же дает представление об осетинских позднесредневековых костюмах.

В заключении также необходимо сказать в целом о вкладе Б. А. Куфтина в этнографическое осетиноведение. Материалы североосетинской экспедиции 1926 г. – вещевая коллекция, фотоколлекция и полевые записи, – во-первых, содержат ценные сведения о материальной культуре осетин и, более того, отражают слабо изученный

до настоящего времени период второй половины 1920-х гг.; во-вторых, дают представление о методах работы самого исследователя, который применительно к изучению одежды можно назвать комплексным. Возможно, если бы судьба исследователя сложилась иначе и он бы успел проанализировать и сопоставить собранные им материалы из захоронений с собственными наблюдениями и сведениями, почерпнутыми от старожилов, то этнографическое осетиноведение обогатилось работой, посвященной одежде осетин второй половины XVIII – середины 1920-х гг.

Примечания:

1. Открытие выставки состоялось 20 декабря 2022 г. в Государственном Эрмитаже с участием Российского этнографического музея.
2. О ней подробнее в работе Я. Б. Березина (см.: [6]).

-
1. Тменов В. Х. Город мертвых. Орджоникидзе: Ир, 1979. 151 с.
  2. Студенецкая Е. Н. Осетины в Музее этнографии народов СССР (собираТЕЛЬСкая и экспозиционная работа 1906-1983 гг.) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе: Институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1985. С. 151-17.
  3. Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 140 с.
  4. Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII-XVII веков (реконструкция этносоциальной истории): дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. 1096 с.
  5. Доде З. В. «Шелковый рай» на Северном Кавказе. Иранская лицевая ткань XVI века из коллекции Б. А. Куфтина // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 68-76.
  6. Березин Я. Б. «Дневник из путешествия по Осетии в 1926 г.» А. М. Россовой как источник по археологии, этнографии и новейшей истории Северной Осетии // Историко-филологический архив. 2021. № 10. С. 88-94.
  7. Алымов С. С., Решетов А. М. Б. А. Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2. 496 с.
  8. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 5. Оп. 4. Д. 48.
  9. Архив Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) (АМАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 25.
  10. АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 27.
  11. АРЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 97.
  12. АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 3. Д. 115.

Gazdanova, Anastasiya V. – Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg, Russia);
nastyagazdan@gmail.com

ON THE LATE MEDIEVAL COSTUME COMPLEXES OF THE OSSETIANS IN
B. A. KUFTIN COLLECTION.

Keywords: B. A. Kuftin, Ossetian late medieval costumes, Ossetian collections of the Russian Ethnographic Museum.

This article deals with the collection of Boris Alekseevich Kuftin, currently stored in the Russian Ethnographic Museum. The main objective of the study was to clarify the circumstances of the collection of clothing from burials in connection with incorrect interpretations of its composition in historiography. For this purpose, the history of the North Ossetian expedition led by B. A. Kuftin in 1926. In the course of the study, it was possible to find documents related to it in the archives of the REM and MAE RAS (Kunstkamera), and using them for restoring the difficult history of the initially huge collection, which includes, in addition to things, a photo collection, anthropological materials and field records, which were dispersed in various institutions in Moscow, St. Petersburg and Vladikavkaz. At the final stage of the study, by comparing the field materials of the scientist with the preserved things from the burials, it was possible to identify two costume complexes from Dargavs and Dallagkau, as well as individual items of women's costumes from Lower Koban. Thus, not only the collection sites of individual exhibits of the collection were restored, but it was also shown that, contrary to the established opinion, the Kuftin collection gives an idea of the Ossetian late medieval costumes.

For citation: Gazdanova, A. V. On the late medieval costume complexes of the Ossetians in B. A. Kuftin collection // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 48 (87). Pp. 42-51. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.016

References

1. Tmenov, V.Kh. *Gorod mertvykh* [City of the dead]. Ordzhonikidze, Ir, 1979. 151 p.
2. Studenetskaya, E. N. *Osetiny v Muzee etnografii narodov SSSR (sobiratel'skaya i ekspozitsionnaya rabota 1906-1983 gg.)* [Ossetians in the Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (collection and exhibition work of 1906-1983)]. *Arkheologiya i traditsionnaya etnografiya Severnoi Osetii* [Archaeology and traditional ethnography of North Ossetia]. Ordzhonikidze, North Ossetian Institute for History, Philology and Economy at the North Ossetian ASSR Council of Ministers, 1985, pp. 151-175.
3. Ravdonikas, T. D. *Ocherki po istorii odezhdy naseleniya Severo-Zapadnogo Kavkaza (V v. do n. e. – konets XVII v.)* [Essays on the history of clothing of the population of the North-west Caucasus (5th century BC – the end of the 17th century)]. Leningrad, Nauka, 1990. 140 p.
4. Dode, Z. V. *Kostyum naseleniya Severnogo Kavkaza VII-XVII vekov (rekonstruktsiya etnosotsial'noi istorii)* [Costume of the population of the North Caucasus of the 7th-17th centuries (reconstruction of ethnosocial history)]. Doctoral dissertation (in History). Moscow, 2007. 1096 p.
5. Dode, Z. V. "Shelkovyi rai" na Severnom Kavkaze. *Iranskaya litsevaya tkan' XVI veka iz kolleksii B. A. Kuftina* ["Silk Paradise" in the North Caucasus. Iranian facial tissue of the 16th century from B. A. Kuftin collection]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2005, no. 2, pp. 68-76.

6. Berezin, Ya.B. "Dnevnik iz puteshestviya po Osetii v 1926 g." A. M. Rossovoi kak istochnik po arkheologii, etnografii i noveishei istorii Severnoi Osetii [A. M. Rossova's "Diary from a trip to Ossetia in 1926" as a source on archaeology, ethnography and recent history of North Ossetia]. *Istoriko-filologicheskii arkhiv* [Historical and Philological Archive]. 2021, no. 10, pp. 88-94.

7. Alymov, S. S., Reshetov, A. M. B. A. *Kuftin: izlomy zhiznennogo puti* [B. A. Kuftin: breaks in the life path]. *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, iss. 2. 496 p.

8. *Arkhiv Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya (AREM)* [Archive of the Russian Museum of Ethnography (ARME)]. Fund 5. Inventory 4. Case 48.

9. *Arkhiv Muzeya antropologii i etnografii RAN (Kunstkamera) (AMAE RAN)* [Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) (AMAE RAS)]. Fund 12. Inventory 1. Case 25.

10. *AMAE RAN* [AMAE RAS]. Fund 12. Inventory 1. Case 27.

11. *AREM* [ARME]. Fund 5. Inventory 4. Case 97.

12. *AMAE RAN* [AMAE RAS]. Fund 12. Inventory 3. Case 115.